

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Иосиф
КОБЗОН:НЕНАВИЖУ
БОЙ БЕЗ ПРАВИЛТруд - 1998 -
15 дек. - С. 3.

Пятидесятилетие знаменитого борца-«вольника», двукратного чемпиона Олимпийских игр Ивана Ярыгина, трагически погибшего в прошлом году, торжественно отметили в Москве — тут поставлен памятник легендарному борцу. Затем «эстафету памяти» принял Красноярск, край, где Ярыгин родился. Вспомнить о добром друге приехал и народный артист СССР, депутат Госдумы Иосиф КОБЗОН.

— Заочно я с Ярыгиным познакомился очень давно, а сблизился мы в 89-м году — Отари Квантришвили меня с ним свел. Потом уже началась дружба, будем так говорить, застольная... Если меня спрашивают, знаю ли я такого-то человека, я отвечаю: знаю, но водки с ним не пил. То есть — знаю, но формально. Я, к сожалению, буквально водки с Иваном Сергеевичем не пил — к тому времени он закончил свое «питие», но много общался, любил за ним наблюдать. Для меня в общении Ваня — большой ребенок, а по образу своему — частица великой России. И имя, и характер русский. При нем никто не хулиганил, не сквернословил, хотя Иван никогда не повышал даже голоса. Ему достаточно было поглядеть и сказать фразу, которая звучала, как предупредительный выстрел: «Ну, это ты зря». Вот такой — большой, добрый, красивый, честный...

— Ушли Ярыгин, Озеров, ушел Никулин... Вам не кажется, что уходит эпоха?

— Нет, я не согласен. Как не согласен с теми, кто утверждает, что Россия стала бедной, что лучшие умы ее покинули, лучшие актеры, композиторы уехали. Это неправда. Мне также не нравится, когда говорят о «новой» России. Что такое новая? И куда девать старую? У Роберта Рождественского есть замечательные стихи о неповторимости, о том, что неповторимо катится Волга, неповторима поступь академика Королева... Конечно, неповторим Иван Ярыгин. Но у него есть последователь — Саша Карелин, воплощающий тот же образ — такой же сильный, такой же скромный, такой же русский. Не будет и второго клоуна Юрия Никулина, но у нас был Карандаш, был, вернее, есть, хотя живет в другой стране, — Олег Попов, был гениальный Енгибаров. Вот, например, уходит из жизни красивая женщина — это же не значит, что вместе с ней ушла красота России. Россия неистощима на великих людей и на красоту. Надо только помнить о тех, кто уходит.

Я более чем уверен, что есть какой-то закон восполняемости. Как объяснить, например, что один выпуск литинститута дал нам Рождественского, Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулину? Один выпуск консерватории в том же году дал нам Щедрина, Пахмутову, Шнитке, Эшпая. А потом — пустота...

Да возьмите даже наш жанр, при том, что мы были застегнуты на все пуговицы, подвергались цензуре. В одно время появились Пьеха, Магомаев, Хиль, Вуячич, Кобзон. Чуть позже к нам подгребли Пугачева и Леонтьев. А сейчас, когда я прихожу на итоговый фестиваль «Песня года», я всегда думаю: или я — очень старый, или они — не очень яркие. Потому что половину из них я в глаза не видел. Пройдет время — и из этого огромного количества певцов и певиц останутся один-два человека. Только ясно, что у нас есть и будут выдающиеся люди. Россия не способна оскудеть на них.

— Иосиф Давыдович, а к вольной борьбе по жизни вы имели отношение?

— Когда-то, в далекой молодости я занимался боксом. Это было в Днепропетровске. Это синтетический вид спорта. Когда мы тренировались, у нас были элементы и вольной борьбы, и гимнастики, и легкой атлетики, и тяжелой. Сразу после нас начала работать секция вольной борьбы, я смотрел, мне нравилось, хотел даже всерьез заняться. Но в связи с тем, что сразу после армии я стал вести не совсем нормальный образ жизни, я имею в виду творческий, у меня мало времени оставалось. Хотя я и до сих пор восхищаюсь нашими борцами и пытаюсь их поддерживать. С борцами Украины меня связывают постоянные отношения, с борцами Урала...

Вообще я люблю чистые виды спорта. Бокс — жестокий вид, но он чистый, вольная борьба — воспитывает и физически и мораль-

Фото Валерия УГЛИНА

По крайней мере в семейной жизни у Кобзона, очевидно, нет проблем.

но. Ненавижу кикбоксинг, бой без правил, это не спорт — это рыночные сношения между спортсменами, приводящие к диким последствиям.

— Нынешняя наша жизнь не напоминает вам кикбоксинг?

— Напоминает. Бой без правил. «Моральный кодекс строителя коммунизма», который у нас был, несмотря на декларативность, — он призывал все же к более благородному образу жизни. Казалось бы, нью-демократия, постсоветский, постперестроечный период дали возможность для развития во всех направлениях — только бери. Но везде идет игра без правил. Она начинается сверху, а заканчивается улицей.

Сколько катаклизмов произошло: 91-й год — так называемая революция, 93-й — расстрел парламента, 94-й — Чечня. А ведь только в 89-м году Борис Георгиевич Громов вывел из Афганистана последних солдат. Обвалы, обманы, эмэмэмы. С нами не считаются, никто не хочет разговаривать. Мы не заметили, как нас спокойно, без выстрелов поработили американцы. В частности, последний, августовский обвал, который поставил наш народ в очередной раз на колени, произошел, уверен, не без их помощи.

Мы экспортируем нечисть — бандитов, проституток. Зато ученого, например, или артиста не впустить — это пожалуйста. Не буду скрывать, мне было очень неприятно, когда меня с супругой арестовали в Тель-Авиве — еврея в Израиле. Меня через несколько часов отпустили. Но «заказ»-то был из-за океана, я судился полтора года с Америкой, доказывал, что Кобзон — не наркобарон, не продает оружие в арабские страны, не содержит игорные дома.

И в то же самое время у нас ни одно громкое убийство не раскрыто, хотя каждый новый министр обещает... Ни один чemoдан Руцкого не найден, пропали все сенсационные заявления Рохлина, царство ему небесное. Явлинский послал Примакову пакет «заявок» на коррупционеров — и все тихо, спокойно. И мы прекрасно понимаем, что и с судом, и с прокуратурой, и с милицией всегда можно договориться...

Но я не хочу винить только наших руководителей. Когда кричат: «Ельцина долой!», — мне это не очень понятно. При чем здесь Ельцин? Стыдно, если нами, как стадом, может управлять один человек, об этом даже говорить неприлично. Общество у нас нечистоплотное, духовно нищее, безнравственное. Мы находимся в пределе, когда либо надо всем обществом просить какого-то политического и гастрономического убежища, либо — что-то делать.

Только что создано политическое движение Юрия Лужкова

Отечество» — это, я лично от себя буду говорить, моя последняя надежда. Я хорошо знаю Юрия Михайловича и счастлив, что мы дружны много лет. Я долго пытался склонить его к конкретным действиям, но он сопротивлялся. Он очень странный, я бы сказал, односторонний: пришел в команде Ельцина — и этим все сказано... Лужков давно созрел для такой работы, он, на мой взгляд, единственный политик, который не коррумпирован и никем не ангажирован. Есть только один человек — Ельцин, от которого Лужков зависит. Просто потому, что он обещал не предпринимать никаких движений, пока Ельцин находится на посту президента, и если бы у того возникло желание выдвинуться в третий раз, Юрий Михайлович свою кандидатуру снял бы.

Так вот, «Отечество» — единственная моя надежда, в движение входят очень много серьезных людей и структур, способных взять власть и повести за собой...

— Иосиф Давыдович, помните, вы так долго и страстно прощались со сценой, но петь в итоге не перестали. Выступаете и здесь, в Красноярске...

— Это не выступление, это просто встреча друзей, вечер памяти великого Ивана Ярыгина. Нет, я не обманул ни публику, ни журналистов, когда в прошлом году объявил о своем прощальном концерте. Я его спел, с тех пор сольные концерты больше не пою. Зато прибавилось общественной работы, я принимаю участие в юбилеях, в различных телемарафонах, вечерах памяти, презентациях, акциях. Теперь все знают, что я свободен — и везде зовут, работы стало больше. Жена сетует, я ей обещал красивую жизнь, говорил: будем ходить в гости, в театры, ездить отдыхать за границу. Не получается, но, как говорится, какие наши годы.

— Недавно вы дочь замуж выдали. Все хорошо?

— Да, тоже хлопоты были серьезные. Сразу после свадьбы мы пригласили Юру к себе в холдинг, избрали председателем совета директоров, он — замечательный юрист-международник, полезно работает и вообще очень порядочный парень. У Наташи и Юры сохраняются романтические отношения, дай Бог, чтоб надолго. Но я-то жду главного результата.

— Получается?

— Я надеюсь. Знаете, у нас сейчас есть забава, у Громова дочка родилась, Елизавета Борисовна. Мы домами, семьями дружим уже много лет, а сейчас вот специально туда ходим. Я говорю: «Пошли на тренировку», — и мы идем. Девчонка — замечательная, ощущения — невероятные. А недавно был у Александра Яковлевича Гомельского, на дне рождения его сына Виталика. Гомельскому — 71, его жене Тане — 30, а сыну — год. Нормально.

— Есть анекдот про хорошего соседа...

— Да ладно! Я ему рассказывал этот анекдот, мы там все ржали. А есть другой анекдот. Еврей приходит к врачу и говорит: «Доктор, я хочу жениться, мне 60 лет, а жене 20. Как считаете?» Доктор отвечает: «Если охота, надо жениться, но желательно с дублером». Через год еврей с врачом опять встречаются, пациент рассыпается в благодарностях: «Спасибо вам за совет, я счастлив, мне жена родила сына!» Доктор интересуется: «А как дублер?» — «Вы знаете, тоже забеременела», — радостно сообщает еврей. Так вот, Гомельский больше подходит под этот образ.

Я очень надеюсь, что наши дети не будут жить при коммунизме, но будут жить лучше, чем мы.

Вела беседу
Любовь РАК,
соб. корр. «Труда».